

КОНФЕРЕНЦИЯ

О. Ф. Жолобов (Казань)

ДРЕВНЕРУССКИЙ ИМПЕРФЕКТ В КОРПУСЕ УЧИТЕЛЬНЫХ СБОРНИКОВ¹

Гораздо лучше, чем история имперфекта, в памятниках письменности засвидетельствована динамика аористных словоформ. Аорист перестал употребляться в «обыденной речи» с XII в., но, сохраняясь в «сфере пассивного знания», продолжал использоваться вплоть до XIV в. при создании, например, таких текстов, как летопись, в основной своей функции — нарративного прошедшего времени. Нет оснований видеть в истории имперфекта какой-то иной тип эволюционного преобразования. Различие здесь может состоять только в более быстром ходе изменений².

Ранняя утрата имперфекта подтверждается материалом берестяных грамот. Он встретился лишь в трех грамотах XII в. и в одной грамоте первой половины XIII в. (в составе плюсквамперфекта): *мѣвлѣше* 605, *а возывахо тѣ, ты ... дѣлѣшь, [въ]лѣшь* 487, *[бе]шь* 831, *съ стальь бышь* 510³. А. А. Зализняк отмечает, что эти редкие примеры имперфекта находят объяснение во влиянии книжного языка. Однако сама по себе узость хронологического диапазона, когда имперфект еще встречается в грамотах, по-видимому, свидетельствует о его потенциальном присутствии в обыденной речи этого времени. Действительно, в более поздних грамотах имперфекта нет, хотя в позднедревнерусский период книжное влияние могло бы проявиться более отчетливо. В грамоте № 136 (40–70-е годы XIV в.) встретилась форма *доконьцѣлху*, которую А. А. Зализняк характеризует как аорист с окончанием имперфекта *-ху*⁴. Маловероятно, чтобы такая словоформа могла появиться при отсутствии имперфекта в «сфере пассивного знания» этого периода. Неслучайно она имеет и реальную типологическую параллель в среднеболгарских источниках, в которых получает распространение аорист на *-хѣ*⁵.

О том, что имперфект был живой формой в начальный период письменности, свидетельствует употребление в древнерусских источниках особых его форм, отличных от старославянских⁶.

¹ Работа выполнена в рамках научного проекта № 2.1.3/2987 «Лингвотекстологические и корпусные исследования грамматической семантики древнерусского текста» (аналитическая ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала высшей школы» Федерального агентства по образованию).

² См.: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 174.

³ См.: Там же. С. 142.

⁴ Там же. С. 142, 595.

⁵ См.: Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 2004. С. 256.

⁶ «Стяжение дает в старославянском языке и в южных церковнославянских памятниках имперфект на *-лхѣ, -лхѣ, -ѣхѣ*. Но в русских памятниках вместо *-ѣхѣ* представлено *-лхѣ*: *Остр. идиаше (идааше), хотиаше (хотааше)* вместо *идѣ(а)ше, хотѣ(а)ше*. Таким образом, они имеют только два типа имперфекта, на *-лхѣ* и на *-лхѣ (-лхѣ)*, с утратой у глаголов на *-ити* чередования согласных...» (Там же. С. 269).

Яркой особенностью имперфекта в источниках восточнославянского происхождения, а также в древнерусских копиях старославянских памятников является существование двух серий форм: *несаше* и *несашеть*, в *вѣдаху* и в *вѣдахуть* и под. Второй член коррелятивной пары по сравнению с первым характеризуется добавочным окончанием *-ть*. В этом смысле древнерусский имперфект представляет собой более сложное явление, чем имперфект старославянский, и приобретает особое значение для праславянской реконструкции глагольного формообразования.

А. Вайан приводит единичное образование с дополнительным окончанием в старославянском Зографском евангелии: *можашетъ* (Мт 22: 46)⁷. Напротив, в древнерусских списках словоформы с добавочным окончанием довольно обычны уже в таких ранних источниках, как Архангельское евангелие 1092 г.⁸ Увеличение количества подобных словоформ по сравнению с самыми древними памятниками не связано с ростом их числа в живой речи, а отражает лишь более последовательную русификацию новых рукописных списков.

Соответствующие древнерусские словоформы на фоне старославянских, которые они заменяли при копировании книг, должны рассматриваться как русизмы. Имперфект с добавочным окончанием является праславянским архаизмом, который фиксируется также древними сербскими и чешскими источниками⁹. Однако лучше всего имперфект на *-ть* засвидетельствован древнерусской письменностью.

Количественные данные показывают, что древнерусские имперфектные словоформы на *-ть* широко представлены в наиболее ранних оригинальных древнерусских текстах: в Сказании о Борисе и Глебе и Житии Феодосия Печерского по Успенскому сборнику (далее — СбУ XII/XIII)¹⁰ зафиксированы 34 словоформы имперфекта на *-ть*, в то время как в других частях Успенского сборника, превосходящих по объему указанные тексты примерно в семь раз, — лишь 13 словоформ¹¹.

Ко времени Феодосия Печерского († 1074 г.) должно относиться и появление новых списков книг учительного характера, поскольку духовная жизнь была немыслима без усвоения святоотеческого наследия, которое стало неотъемлемой частью уставных чтений. Показательно, что греческий Студийско-Алексиевский устав дошел до нашего времени только в славяно-русском переводе, выполненном, вероятно, в Древней Руси еще до кончины Феодосия Печерского¹². В соответствии с уставом, в частности, по древней церковной традиции включалось в литургическую практику чтение поучений Ефрема Сирина († 373 г.)¹³. Древнерусские «книги, глаголемые Ефрем» восходят к несохранившейся древнеболгарской рукописи, содержащей перевод первой половины X в. Греческое название собрания поучений Ефрема Сирина — «Паренесис» — также было известно в славянской традиции¹⁴. Древнерусские списки Паренесиса чрезвычайно показательны

⁷ Там же. С. 267.

⁸ См.: Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907. С. 160.

⁹ См.: Кузнецов П. С. Очерки морфологии праславянского языка. М., 1961. С. 102.

¹⁰ Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.

¹¹ Демьянов В. Г. О явлениях имперфекта, дифференцирующих древнерусские тексты по происхождению // Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания. М., 1974. С. 112.

¹² См.: Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001. С. 226—227.

¹³ Так, в Студийско-Алексиевском уставе содержатся следующие указания об уставных чтениях Четыредесятницы: **Ѣ** ПОНЕ^л. **Ѣ** ПОНЕ^л. **ПО**. **ПРЪ**Ѣ^л || варикъшаго днѣ оутѣшениа · въстають позадъ · начинающе сѣмому|ча^л ноци · и въкакть пѣнии три ка^л · | просто · чѣтеть же са стѣи ефрѣмъ · | до вѣторника цвѣтъна^л (Уст к. XII, 8 об.—9); **Ѣ** проугаа же днѣ · на злоуѣнахъ · и на|ча^л хъ · чѣтеть · | какоже речено ксть · | стѣи ефрѣмъ (Устав студийский церковный и монастырский, ГИМ, Син. 330 // Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001).

¹⁴ Древнерусскому названию сборника усваивалось имя автора, а смысл греческого названия пространно истолковывался:

¹ кн-
² иги

³ глѣмъша кфрѣмъ ·

⁴ сказакть же са гръчь-

⁵ скъмъ на зъикомъ па-

⁶ ренисиъ · еже ксть по-

⁷ слушаник ѱ оутѣшени-

как свидетельства исторической динамики языковых форм: рукописи представляют собой объемные тексты разной диалектной принадлежности, имеющие хотя и близкую, но расходящуюся датировку, на что, в свою очередь, накладывались топографические и хронологические различия антиграфов¹⁵.

Имперфект в Типографском списке Паренесиса (далее — ЕфрСир XIII/XIV) выделяется в следующем отношении. Здесь довольно широко представлены нестяженные формы, что необычно для позднерусского источника, который датируют рубежом XIII и XIV в.¹⁶, ср.: **боздѣржаахоуца** (Л. 69 г); **оклѣветайхъ** (Л. 95 б); **нарицалшеса** (Л. 107 г); **ѡсѣкаахоу** (Ч2. Л. 109 в); **не можаахоу** (Л. 109 в); **полаахоу** (Л. 109 в); **боудайше** (Л. 116 б); **повѣждаахоуца** (Л. 123 а) и др. Их нельзя считать старославянизмами, перенесенными из протографа, поскольку целый ряд подобных форм содержит собственно древнерусские фонетические или орфографические признаки, неизвестные ни старославянским памятникам, ни более поздним среднеболгарским или сербским источникам. Имеются в виду ассимиляция **-ѣа-** > **-аа-** и появление варьирующихся орфограмм с буквой неорганического носового после мягких согласных (**не можаахоу**, **полаахоу** и под.; **а** = [ä > a]). Данные особенности, наряду с некоторыми другими, указывают на то, что антиграфом Типографского списка является древнерусская рукопись конца XI или начала XII в., характерные признаки которой были переданы переписчиками Типографского списка. Точная передача архаических написаний рядом с орфограммами XIII–XIV в. — явление довольно необычное, и это увеличивает историческую ценность рукописи. Данные факты заставляют по-новому взглянуть как на сам труд профессиональных писцов, так и на причины и период развертывания архаизирующих тенденций в древнерусской письменности.

В древнерусских списках Паренесиса формы имперфекта на **-ть** наблюдаются рядом со столь же обычными формами без добавочного **-ть**: **оудобе ѡсѣкахуса | любзы же не ѡсѣкашеца** **полаху оудо|бе оуззы же любзбензы|а не рѣшахуса · потаплахуса телеса | стхъ любзы же ихъ | не потаплашеса сз|вазобаху пакзы те|леса прпдбнзыхъ любзы | же ихъ не сазана| бзы ѿвѣсма** (ЕфрСир 1269–1289¹⁷. Л. 232 б); **й іако злодѣй бкн|ни бзбваху · и не гнѣва|хоуца ни рзпзтаху** (ЕфрСир XIII/XIV. Л. 7 г); **й при|хожаху бса не нзы|а птица й адаху | ѡ плода биниунаго** (ЕфрСир ок. сер. XIV. Л. 1 в); **они бз|здержажуса · аз же ско|тьскы адахъ й питахъ|са · они поаху с пока|анинемь · аз же молуа|хъ · они бз цркъбь й да|ху колѣномь на покло|нение · аз же дрѣма|хъ сномь й спахъ : они|молахуса · аз же глу|маахуса · они смѣра|хуса аз же белуахъ|са · они їзможабаху аз же|красахъса** (ЕфрСир 1377¹⁸. Л. 118 г) и под.

⁸ н і оўмиленик г и блѣ ѡ-
⁹ чѣ ·

(Паренесис Ефрема Сирина, РГБ. Тр. 7. 246 л. (далее — ЕфрСир ок. сер. XIV) Л. 4 в) (в рукописи киноварь; о датировке см.: Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР // Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966. С. 225).

¹⁵ См.: Жолобов О. Ф. Древнеславянские списки Паренесиса Ефрема Сирина: новые данные и новые аспекты исследования // Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 51–75; *Его же*. Древнерусское письмо: правописные навыки и орфография антиграфов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37). С. 42–43.

¹⁶ Паренесис Ефрема Сирина. РГАДА. Тип. 38. 143 л. См.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. С. 360. Однако в рукописи отразилась гораздо более ранняя орфографическая система (см.: Жолобов О. Ф. Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. I: РГАДА. Тип. 38 // Russian Linguistics. 2007. Vol. 31. № 1. С. 31–59). Предстоит решить, обусловлено ли это техникой копирования или сознательными архаизирующими установками переписчиков. По наблюдениям А. А. Турилова и Э. С. Смирновой, о которых они нам любезно сообщили, ничто не мешает датировать рукопись второй половиной XIII в. (предпочтительнее 70–80-ми годами).

¹⁷ Паренесис Ефрема Сирина. РНБ. Пог. 71а. 328 л. О датировке см.: Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867. Вып. 1. С. 37–39; Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XIV в. М., 2002. Вып. 1. С. 644; Мошкова Л. В., Турилов А. А. Плоды ливанского кедр. М., 2003. С. 48–51; Жолобов О. Ф. Летосчислительные обозначения и датировка рукописей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 3 (21). С. 31–32.

¹⁸ Паренесис Ефрема Сирина. БАН 31.7.2. 258 л. О рукописи см.: Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. М., 1980. С. 116.

В Погодинском, Типографском и Академическом списках имперфект на *-ть* появляется лишь перед местоименной энклитикой *и* 'его': *ѿра на|рицаху|ть и* (ЕфрСир 1269–1289. Л. 124 б); *призбавшен ѿ|ци| бра| оупрашаху|ть и* (ЕфрСир 1269–1289. Л. 241 а); *и бл|жа|ху|ть и| сн|бе| въ|ка| сего| | а|н|гли| же| б|и| г|ноу|ща|ху|са* (так) *ѿго* (ЕфрСир XIII/XIV. Л. 12 б); *яко| каме|не| без|доу|шна| б|на|ху| . и| по|б|ер|г|ше| и| за| б|ю| . бл|ѣ|та|ху|ть| и| кон|ъ| из| къ|си* (ЕфрСир XIII/XIV. Л. 39 а); *и| х|б|ал|а|ху|ть| и| сн|бе| въ|ка| сего* (ЕфрСир 1377. Л. 57 а); *и| за| бл|ю| бла|та|ху|ть| и|* (ЕфрСир 1377. Л. 91 а–б); *и| за|оу|ша|ху|ть| и|* (ЕфрСир 1377. Л. 257 а); *и| въ|м|ше| трость| б|на|ху|ть| и| по| гла|б|ъ| ѿ|го* (ЕфрСир 1377. Л. 257 б). В Типографском списке это правило не всегда выдерживается: *въ|прашаху| и| по|уть|о| не| при|де| въ| съ|бор|ъ| бра|те* (Л. 115 б); *призбавше| ѿ|ци| бра|та| въ|прашаху| и| г|лю|ще* (Л. 115 г).

Местоимение нигде не смешивается с проклитикой — союзом *и*: *сн|це|б|а|а| лю|б|ла|ху| и| въ| д|ни| но|ѣ|зы| ѣ|да|ху| и| пи|и|ху| и| же|на|ху|са| и| поса|га|ху| и| коу|плю| т|во|ра|ху|* (ЕфрСир XIII/XIV. Л. 57 г) и под.

В формах ед. ч. окончание *-ть* в поучениях не используется, встречаются лишь формы *видаше*, *люблаше* и под. Тем не менее такие формы, несомненно, существовали и преобладание форм на *-ть* в 3 л. мн. ч. является вторичным. В Погодинском списке имперфект на *-ть* в 3 л. ед. ч. встречается не в самой книге, а в выходной записи писца. Симптоматично то, что он появляется в цепи претеритных форм: *ѿ|го|же| оу|да| оу|чити| с|т|ъ|м|ъ| | кни|га|м|ъ| . на|ка| з|ы|каш|ѿ| | ап|л|ь|ск|ы|ми| за|пов|ѣ|д|м|и| на| вс|а| час|ы| . с|а|м|ъ| же| з|ы|[-]| | стро|и|ше|тъ| сн|а| кни|г|ы| [с|ъ|] . мно|го|м|ъ| т|ща|нь|ем|ъ* (ЕфрСир 1269–1289. Л. 328 в).

Таким образом, вторичная функциональная специализация словоформ на *-хуть* не вызывает сомнений: писцы избегали обценного звучания, которое могло возникать при чтении синтагм типа *хбалаху и*¹⁹. Само окончание *-ть* пишется скорее по морфологическому принципу, нежели по фонетическому, поскольку перед последующим *и* оно должно было звучать как *-ти* (*-ь* подвергался позиционному переходу в узкий, напряженный гласный). В Погодинском списке переписчик в одном случае обозначил звуковой переход — позиционное изменение редуцированного *и* *молахути* и *стборити млтвү себе ради* (Л. 54 в), *-ти* исправлено из *-ть*. Безусловно, нужно иметь в виду и то, что звуковое изменение здесь происходило в период до падения еров²⁰.

Иное распределение форм наблюдается в Троицком списке. Оно является масштабным выразительным свидетельством вариативности в имперфекте как таковой. Формы на *-ху*, с одной стороны, и на *-хуть* — с другой, встречаются там, где их не должно быть, если учитывать выявленный выше орфографический принцип:

они| же| дре|ко|ль|ѣ|м|ъ| |яко| каме|нь| без|доу|шна| б|на|ху| . и| по|б|ер|г|ше| и| за| ши|ю| бл|е|ча|ху| и| кон|ъ| | из|о| къ|си (Л. 82 б); *за| б|ю| бл|а|ча|ху| и| по| ѿ|б|ы|ча|ю* (Л. 82 в)

vs.

но| и| пси| при|хо|да|ше| ѿ|б|ли|за|ху|тъ| г|но|и| ѿ|го (Л. 53 б); *ѣ|да|ху|тъ| и| пи|и|ху|тъ| . и| же|на|ху|са| и| поса|г|а|ху| . и| куп|лю| т|во|ра|ху|* (Л. 97 а); *т|зы|су|ща| т|зы|су|щ|ь| пр|ѣ|сто|и|а|ху|тъ| къ|му| . и| т|м|ъ| т|ма|м|н| сл|уж|а|ху|тъ| къ|му|* (Л. 208 а).

В отличие от других списков здесь представлено 3 л. ед. ч. на *-шесть* в самом тексте: *видаше|тъ| же| и| бл|ж|н|ю|и| сн|ю| д|ве|р|ца|ми* (Л. 86 в).

Есть также примеры форм на *-ть* перед энклитикой *и*, как в других списках: *и| х|б|а|ла|ху|тъ| и| сн|бе| съ|ѣ|та| ѿ|го* (ЕфрСир сер. XIV. Л. 53 а); *въ|прашаху|тъ| и| поч|то| не| при|де| бра|те| къ|*

¹⁹ См.: Живов В. М. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М., 2006. С. 211.

²⁰ В Житии Феодосия Печерского по Успенскому сборнику, первым из работавших над ним писцом употребляются преимущественно словоформы на *-ти*, а вторым — только на *-ть*, что, согласно предположению В. Г. Демьянова, объясняется большей грамотностью второго писца (Демьянов В. Г. О явлениях имперфекта, дифференцирующих древнерусские тексты по происхождению. С. 113).

збо|ръ (ЕфрСир сер. XIV. Л. 147 в); призва|въ же ѿ оци ѿ браѿа въ|прашахуть ѿ глѣе (ЕфрСир сер. XIV. Л. 147 г).

Общие черты в употреблении двух серий имперфекта в разных списках свидетельствуют об их присутствии в ранних источниках-антиграфах²¹. Употребление имперфекта в Троицком списке соответствует общему духу рукописи, в которой наблюдается множество разнообразных вариантов, так что этот источник является своего рода сводом вариативных форм. Вместе с тем в Троицком списке наблюдается реакция на дистрибуцию и унификационные процессы в коррелятивных парах презенса типа *хвали vs. хвалить, несу vs. несутъ*, соотносительных с коррелятивными вариантами в имперфекте (см. ниже). Как и презенс на *-ш* и *-ть*, имперфект прежде всего связан с рядами однородных словоформ.

В системе имперфекта отмечаются древнерусские морфонологические инновации — обобщение немодифицированной инфинитивной основы (или, возможно, презенсной): *красахъса* (ЕфрСир 1377. Л. 118 г 23) — вместо закономерного *крашахъса*; *прихода|ху* (ЕфрСир 1377. Л. 235 в 22—23) — вместо закономерного *прихожаху*.

Сложные словоформы с добавочным окончанием характеризуют как имперфект с приращением, или аугментом, возникшим под влиянием форм настоящего времени²². Нужно заметить, что в случае с имперфектом на *-ть* этот термин трудно признать удачным потому, что в индоевропейстике аугмент обозначает препозиционную морфему, присоединяемую к претеритам в индикативе, и соотносится со вторичными окончаниями²³. Древнерусские вариантные формы *бедаше* и *бедашетъ*, *имаху* и *имашуть* отражают смешение вторичных и первичных окончаний в праславянском — **-t*, которое отпадает по закону открытого слога, и **-tb < *-tī*.

Имперфектные формы на **-tb* очень важны для понимания варьирования в презенсе *пишетъ* и *пише*, *соуть* и *соу*. Подобные словоформы без *-ть* наблюдаются во всех древнерусских списках Паренесиса. Обычно формы без *-ть* и на *-ть* в списках не совпадают, что доказывает независимость их употребления от древнеболгарского протографа. Известно, что в большинстве старославянских памятников презенс без *-тъ* является большой редкостью. Количество таких форм, однако, довольно ощутимо в древнеболгарской Супрасльской рукописи для глаголов третьего лескиновского класса в 3 л. ед. ч. на *-лк*, *-тък*, *-оук*²⁴. В древнерусских же источниках представлены словоформы как единственного, так и множественного числа, а кроме того, как первого, так и второго спряжения²⁵. Ср. некоторые примеры вариативных форм в рассматриваемых древнерусских списках разной диалектной принадлежности²⁶:

²¹ Вариативность представлена и в Слове 48 из Паренесиса, дошедшем в гораздо более раннем списке по СбУ XII/XIII, см.: *внѣхуть* нго (Л. 295 в) (нго здесь заменило более раннее и); *блмашуть* и (Л. 295 г) vs. *прихожаху* по быса дни (Л. 295 б); *блѣчлаху* вѣнз| изъ быси (Л. 295 в). Противопоставление словоформ здесь точно отражается и в признаке стяженности или нестяженности. В ЕфрСир XIII/XIV, где встречаются нестяженные формы, с добавочным *-ть* также употребляются только стяженные формы.

²² Живов В. М. Восточнославянское правописание XI—XIII века. С. 202.

²³ См.: Елизаренкова Т. Я. Грамматика ведийского языка. М., 1982. С. 271—272; Иванов В. В. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. М., 1981. С. 90; Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980. С. 315—317.

²⁴ Вайан А. Руководство по старославянскому языку. С. 249.

²⁵ То есть глаголов 1—3-го классов, с одной стороны, и 4-го класса — с другой, по лескиновской классификации (Leskien A. Handbuch der Altbulgarischen Sprache. Heidelberg, 1955. S. 121—122). Встречаются подобные словоформы и в атематическом спряжении, ср.: *подобна| бо в страѿ несытаго сна* (ЕфрСир 1269—1289. Л. 26 б 6—7) (в других списках — *всть*).

²⁶ Широкий слой образований презенса без *-ть* рядом со словоформами на *-ть* в древненовгородской берестяной письменности справедливо рассматривается как праславянский архаизм. Включение его в перечень собственно новгородско-псковских диалектных примет носит, как можно полагать, предварительный характер, пока окончательно не прояснится ситуация с употреблением аналогичных образований в древнерусских источниках иной региональной принадлежности (см.: Крысько В. Б. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 81).

Словоформы без <i>-ть</i>	Словоформы на <i>-ть</i>
<p>не трепеще ли ти срѣцѣ^ѣ нѣ оужасак ли ти са оумъ си страшнаѣ слыша (ЕфрСир 1269–1289. Л. 126 г 21 – 127 а 3)²⁷;</p> <p>нарчени воини и бсако тшаньк пока зую . ако да оугодать побелѣбшимъ (ЕфрСир 1269–1289. Л. 75 б 6–9);</p> <p>во внутр ннюю пустзню изведе ти и . прилучи же са кмю . ѡбитати оу ста рець (ЕфрСир 1269–1289. Л. 33 в 13–17);</p> <p>ѣще бзи оу во не бзспране такобзи . и положить прѣдъ ѡчи ма своѣма страхъ бий (ЕфрСир XIII/XIV. Л. 6 г 26 – 7 а 1);</p> <p>кто бо и знемага ють . и ѣгоже ли ѡбзды ржа злаѣ . члкѣ бъ бѣ и блгзй . зла не хощеть твари своѣи (ЕфрСир XIII/XIV. Л. 15 б 14–18);</p> <p>зѣло бо радуютса бѣ о кавши хса . и прикмле бз сла сть исповѣданиѣ на ше (ЕфрСир сер. XIV. Л. 135 б 5–9);</p> <p>ѣще побелѣно буде ть что творити то ѡбразу ють на блгаѣ . не ребну ю . и не на полезнаѣ все гда чинатса (ЕфрСир сер. XIV. Л. 72 а 4–8).</p>	<p>и не трепеще ть срѣце . и не оужасак ть ли ти са оумъ . си страшнаѣ слышавъ (ЕфрСир XIII/XIV. Л. 38 г 9–12); и не трепещеть ли ти срѣце . и не оужасак ть ли ти оу мъ . си страшнаѣ слыша (ЕфрСир сер. XIV. Л. 30 б 20–25; ЕфрСир 1377, 86в 10–13);</p> <p>бсако тшаниѣ показ ють (ЕфрСир XIII/XIV. Л. 8 б 3–4); бсако тшаньѣ показ ують (ЕфрСир сер. XIV. Л. 50 а 21–22); бсако тшаниѣ показ ующе (ЕфрСир 1377. л. 53 в 8–9);</p> <p>изведе ть и и прилучитъ же ему битати (ЕфрСир сер. XIV. Л. 26 в 5–7); и зведе ть и прилучи ть же са кмю (ЕфрСир 1377. л. 26 а 11–12);</p> <p>и аще не бз спрана бзспранеть та кобзи . и положить прѣдъ очима своима стра хъ бий (ЕфрСир сер. XIV. Л. 49 а 20–24); и аще оу во нѣ оуспранеть тако бзи (ЕфрСир 1269–1289. Л. 73 в 21–22); и аще не бзи бзспрана . бзспранеть такобзи (ЕфрСир 1377. л. 52 б 14–15);</p> <p>не ѣгоже ли ѡбде ржать злаѣ (ЕфрСир 1269–1289. Л. 84 в 13–14); но ѣгоже ли ѡбз держать (ЕфрСир сер. XIV. Л. 55 в 13–14); не ѣгоже ли ѡбдержитъ (ЕфрСир 1377. Л. 59 г 6–7);</p> <p>зѣло бо раду ются бѣ наш о кавши хса . и прикмлетъ бз сла сть и сповѣданиѣ наше (ЕфрСир XIII/XIV. Л. 104 б 18–21); прикмлетъ (ЕфрСир 1269–1289. л. 224 б 3; ЕфрСир 1377. Л. 147 а 13);</p> <p>на бла гаѣ не ребну ють на неполезнаѣ все гда чинатса (ЕфрСир 1269–1289. Л. 114 г 3–6); не рьбноу ють (ЕфрСир XIII/XIV. Л. 30 г 26); не ребну ють (ЕфрСир 1377. Л. 79 а 21–23).</p>

Морфологические варианты в презенсе точно отражают имперфектные параллели и имеют тождественное происхождение²⁸. Варьирование в презенсе, как и в имперфекте, обусловлено смешением первичных и вторичных окончаний в праславянском языке. Однако если видеть в этом смешении лишь механический процесс, лишь формально-морфологическую недифференцированность вариативных форм, механизм и причины длительного сохранения вариативности в презенсе и распространения ее на словоформы имперфекта останутся непонятными и необъяснимыми²⁹. Напротив, если исходить из того, что смешение первичных и вторичных

²⁷ Словоформа без *-ть* отмечается и в выходной записи писца при цитировании псалма 91: ѡ такобзи|хъ бо ре^ѣ . прркс|| дбдъ . правдникъ |ако| фуникъ процъте (ЕфрСир 1269–1289. Л. 328 в 33 – 328 г 2) vs. правдникъ |ако| пникъ (так!) процътетъ Пс 91, 13 Син (Старославянский словарь (по рукописям X–XI в.) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1999. С. 759); правдникъ |ако| фуникъ процътетъ (СбУ XII. Л. 36 г 17–19; в Житии Феодосия Печерского).

²⁸ Такие параллели имеются и в аористе, они требуют отдельного рассмотрения (ср., например, аорист бзистъ и бзи). Частичная нейтрализация флексивной оппозиции в древнеболгарском (ср. презенс и аорист да|тъ, презенс на|бнеть и аорист на|атъ) может быть понята лишь в контексте предшествующего ей варьирования флексий *-ti* и *-l*.

²⁹ Ср.: Кузнецов П. С. Очерки морфологии праславянского языка. С. 102.

окончаний явилось внешним выражением функциональной корреляции соответствующих словоформ, то природа вариативности как в презенсе, так и в имперфекте станет ясна. Вторичные окончания генетически связаны с индоевропейским инъюнктивом, который при широком его понимании допустимо считать источником более поздних претеритных форм³⁰. В узком смысле инъюнктив — это вневременное или релятивное образование, смысловые характеристики которого складываются в противопоставлении новым индикативным образованиям на *-i*³¹.

Таким образом, в корпусе древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина отчетливо проявила себя ранняя и устойчивая традиция сосуществования словоформ на **-t* и **-tь*. Развитие имперфекта на **-tь* ярко отразило продуцирующую роль праславянской модели глагольных коррелятивов на **-(n)t* и **-(n)tь*, распространившуюся в презенсе благодаря функциональной специализации древнего инъюнктива. Две серии словоформ должны были сложиться еще до действия тенденции к открытости слогов — до утраты вторичного окончания **-(n)t*. Древнерусские источники, которые в массе своей остаются все еще недостаточно изученными, представляют разнообразный и важный материал по данной проблематике.

---

³⁰ Иванов В. В. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки. С. 34–36.

³¹ О. Семереньи, подводя итоги научной дискуссии, посвященной инъюнктиву, заключает: «Инъюнктив... нельзя считать особым наклонением в индоевропейском языке, а тем более в отдельных индоевропейских языках. Еще в позднеиндоевропейском языке «инъюнктив» был пережитком того периода, когда форма **bheret* существовала как неопределенный вариант наряду с более определенным **bhereti*» (Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. С. 281). Он отмечает вслед за П. Кипарским, что так называемый инъюнктив появляется в последовательности однородных форм, заменяя хотя бы раз указанные глагольные признаки на нейтральные: так, в цепи форм презенса это проявляется в том, что вместо *-ti...-ti...-ti* может выступать последовательность *-ti...-t...-t*; в цепи форм императива *-tu...-tu...-tu* — последовательность *-tu...-t...-t*.